

ствующее «народной» этимологии в истории языков) или эстетическими соображениями.

Если часто от нас ускользают причины, заставившие мастера предпочесть тот или иной из известных нам сюжетов ученого цикла, то в некоторых случаях можно думать, что он выбирает мотивы, имевшие охранительное значение. В монументальном искусстве мы не раз наблюдали присутствие таких апотропеев. Эти же апотрепей появляются вновь на золотых и серебряных вещах. Вознесение Александра стоит посередине одного из золотых женских венчиков, найденных в Киеве (на другом ту же охранительную функцию выполняет религиозный сюжет так называемый Деисус), в центре эмалированной чаши амидских эмиров (в Иннсбруке), на двух перстнях в Dumbarton Oaks и коллекции Стефатос (в Афинах), а также (но не в центре) на одной из серебряных чаш, найденных на Кавказе (Государственный Эрмитаж). Другие сюжеты знакомого нам дворцово-светского цикла группируются вокруг Александра и связаны, таким образом, с этим изображением. Давид с лирой, конники, побеждающие змей и драконов, охотники, убивающие диких зверей, звери и чудовища, родственные тем, которые мы наблюдали на владимирских фасадах и в Палермо, вероятно, служили такими же апотропеями, отгонявшими злые силы от владельцев этих предметов или от напитка, наливавшегося в эти сосуды. Сюда же следует отнести и мотивы (фигуры людей, звери, птицы, узлы) на серебряной обивке ритона X в., найденной в знаменитой «Черной могиле» в окрестностях Чернигова (предполагаемое иногда мифологическое истолкование этих изображений, к сожалению не доказанное, не препятствует гипотезе об их охранительной функции, свойственной многим произведениям религиозного содержания). Наконец, в некоторых случаях — киевские браслеты и колты, олифант в Ясберени (Венгрия), суздальский топорик — конечности живых существ превращаются в ленты и узлы, которые иногда охватывают птиц или животных, согласно приемам, издавна известным европейским орнаментам, и особенно орнаментам стран, географически близких к России: орнаментам викингов, каролингским и романским. В России орнаменты этого типа, которые, вероятно, тоже служили апотропеями, были известны еще до обращения ее в христианство, судя по нескольким вещам из кости и дерева, на которых такие орнаменты появляются очень рано. Это вещи домашнего обихода, до которых влияние византийских моделей доходило с трудом. Напротив, появление элементов северных мотивов этого рода на некоторых киевских серебряных браслетах объясняется, может быть, тем, что это тоже предметы более низкого технического уровня. Не случайно, что там, где орнаменты особенно близки к византийским, например на стенах церквей, начиная с киевской Софии, этих лент, плетенок и узлов не наблюдается. В декорации церквей мы видим их только в скульптурах с начала XII в., например на капителях и базах порталов черниговской Борисоглебской церкви, где изображены чудовища и птицы, охваченные сетью перекрещивающихся лент. Система этих мотивов близка к скандинавским и романским рельефам, где она известна с IX в., тогда как в Византии эти мотивы, по-видимому, распространяются позже, чем в России, и скорее всего под романским влиянием на периферии империи.

Между тем в русском средневековом искусстве тема плетений и узлов получила особое распространение не в ювелирном искусстве и не в монументальной скульптуре XII в., — где они только намечены, а в декорации рукописей. Свидетельств этому у нас много, хотя они большей частью и позже татарского нашествия и происходят главным образом из северной части России, может быть, потому, что в областях, разоренных татарами,